

ВСТРЕЧА ДОСТОЕВСКОГО с ТУРГЕНЕВЫМ в БАДЕНЕ в 1867 году

28 июня 1867 года в Бадене Достоевский посетил Тургенева, «у которого просидел часа с полтора». Эта встреча довела их знакомство до окончательного разрыва, и лишь с этого момента отношения их сделались открыто враждебными. До сих пор в истории нашей литературы отсутствует исчерпывающая фактическая сводка всех дошедших до нас материалов и документов, рисующих этот эпизод и события, непосредственно им порожденные. Совершенно не касаясь тех глубоких социальных факторов, которые в течение многих лет неблагоприятно влияли на их взаимоотношения, и, наконец, свели их окончательно на нет, и не входя также в психологический анализ знаменитой вражды, мы задались целью дать—по возможности—исчерпывающую сводку фактических данных, рисующих поворотный пункт в отношениях Достоевского и Тургенева — их встречу в Бадене на квартире Тургенева.

I

Несомненно, что личные переживания Достоевского и Тургенева, отягченные рядом событий тогдашней их жизни, сыграли решающее значение в баденском разрыве. Постараемся поэтому вкратце проследить факты, обуславливавшие настроения каждого из них со времени выезда за границу.

В течение апреля 1867 года из Петербурга в разные города Германии отправились Достоевский и Тургенев; 4 апреля выехал в Баден Тургенев, а 14 апреля через Берлин выехал в Дрезден Достоевский со своей молодой женой, Анной Григорьевной. Просматривая различные мемуарные и эпистолярные источники, свидетельствующие о моральном состоянии каждого из них на протяжении тех двух с лишним месяцев, которые прошли со времени отъезда за границу до их баденского свидания, мы должны остановиться на следующих фактах.

В внешней жизни Тургенева в этот двухмесячный период наиболее яркими эпизодами являются: встреча на баденском вокзале вместе с русской колонией Александра П, проезжавшего в Россию после парижского покушения на него (31 мая), а затем недельное пребывание И. С. (4 — 12 июня) на Всемирной выставке в Париже 1). Возвратившись в Баден, И. С. обычно проводит время с проживавшими здесь В. П. Боткиным, Е. М. Феоктистовым, Д. А. Корсаковым, Н. А. Милютиным, Н. В. Ханьковым, а также И. А. Гончаровым, приехавшим в Баден 19 июня. Обычный быт светского человека,

«обленившегося баденского буржуа», как он называл себя, конечно, не вполне заполонил Тургенева. Литературная же деятельность как раз в это время была омрачена почти скандальным неуспехом «Дыма». Целый поток писем русских друзей его с отрицательными суждениями о «Дыме», а также резкие отзывы русской прессы об этом произведении, глубоко огорчали Тургенева. «Мне кажется, еще никогда и никого так дружно не ругали, как меня за «Дым». Камни летят со всех сторон», — пишет в те дни Тургенев. И действительно: Писемский, Тютчев, Герцен, Фет, Боткин — все в один голос твердили автору о неудаче «Дыма». Тем более авторское самолюбие Тургенева в те месяцы было задето, что он считал «Дым» — «единственной дельной и полезной вещью, которую я написал». — Этими фактами и определяется душевное состояние Тургенева в дни его свидания с Достоевским.

Рядом сложных факторов обуславливалось в те же месяцы моральное состояние Достоевского. Довольно монотонная жизнь с простодушной Анной Григорьевной в Дрездене быстро превратилась в тягость для Ф. М. Лишь изредка душевный покой нарушался письмами Аполлинии Суловой, его недавней подруги, жестоко отвергнувшей его большое чувство. До нас дошло одно ответное письмо писателя к А. П. Суловой, написанное 23 апреля из Дрездена, вскоре после его приезда туда с Анной Григорьевной, где он обстоятельно говорит «другу вечному» о своих литературных делах; интересно отметить, что о своей личной жизни в этом письме Достоевский предпочитает молчать²). Недолго сумел Достоевский вынести эту однообразную жизнь с Анной Григорьевной; 4 мая, оставив ее в Дрездене, он уехал в Гомбург, где отдался своей давней страсти — игре в рулетку. Здесь непрерывная игра на протяжении двенадцати дней истрепала его нервы; он проиграл свои наличные деньги, заложил часы и даже на дорогу должен был получить от Анны Григорьевны. Возвратившись 15 мая в Дрезден он все время находился под впечатлением этого проигрыша. В Баден же Ф. М. с Анной Григорьевной приехали 22 июня. Здесь моральное состояние Достоевского быстро нарушилось вновь охватившей его страстью. Проигрыши в рулетку сделались почти ежедневными, запас денег был исчерпан, и со дня на день можно было ожидать возобновления припадков падучей³).

Таково было то состояние, в котором находился Достоевский непосредственно перед встречей с Тургеневым. Впрочем, сам Ф. М. с поразительной красочностью выразил свое психическое состояние в замечательном документе — в письме к поэту А. Н. Майкову, которое мы печатаем ниже.

II

Впервые в Бадене Тургенев увидел Достоевского в курзале за рулеткой. Вот что

записано в дневнике Анны Григорьевны под датой. 25 июня 1867 года 4): «Возвращаясь домой [из курзала, где Ф. М. снова проиграл] по дороге Федя встретил Гончарова, с которым меня познакомил. Гончаров сказал мне, что Тургенев видел вчера Федю, но не подошел к нему, потому что знает, что играющие не любят, когда к ним подходят. Так как Федя должен Тургеневу 50 рублей, то ему непременно следует сходить к нему, иначе Тургенев подумает, что Федя не хочет придти из боязни, что тот потребует свои деньги ⁵). Поэтому Федя хочет завтра пойти к Тургеневу».

На следующий день Анна Григорьевна заносит в дневник: «Федя взял пятнадцать талеров и пошел играть. Сначала он зашел к Тургеневу, но его не застал: тот бывает дома только до двенадцати часов дня. Федя проиграл свои пятнадцать талеров и пошел домой».

27 июня Анна Григорьевна записывает: «Сегодня утром Федя хотел идти к Тургеневу, но так долго не вставал, что опоздал и отложил визит. У нас опять было двенадцать золотых. Федя взял пять и пошел на рулетку. По уходе его мне сделалось ужасно грустно; я вполне сознавала, что он непременно проиграет и опять будет мучиться; я принялась страшно плакать. Опасения мои оправдались: Федя вернулся домой в ужасном отчаянии. Он сказал, что все проиграл, и стал меня просить дать ему еще два золотых, сказав, что ему непременно нужно отыграться, непременно, непременно нужно, иначе он не может. Он стал передо мной на колени и умолял дать еще два золотых». — Мы умышленно привели такую обширную выдержку, дабы словами единственного близкого тогда к Достоевскому человека охарактеризовать его состояние.

В среду 28 июня Анна Григорьевна в начале дня записывает следующее: «Сегодня мы встали в десять часов. Федя отправился к Тургеневу, у которого просидел часа полтора». — Вечером того же дня Анна Григорьевна записывает:

«За чаем Федя мне рассказывал свой визит к Тургеневу. По его словам Тургенев ужасно как озлоблен, ужасно желчен и поминутно начинает разговор о своем новом романе. Федя же ни разу о нем не заговорил. Тургенева ужасно как бесят отзывы газет: он говорит, что его изругали в «Голосе», в «Отечественных Записках» и в других журналах. Говорил еще, что дворянство под предводительством Филиппа (?) ⁶) Толстого хотело его выключить из дворянства русского, но что этого как-то не случилось. Но прибавил, что «если б они знали, какое бы этим они доставили мне удовольствие». Федя, по обыкновению, говорил с ним несколько резко, например, советовал ему купить себе телескоп в Париже, и так как он далеко живет от России, то наводить телескоп и смотреть, что там происходит, иначе он ничего в ней не поймет. Тургенев объявил, что он, Тургенев, реалист, но Федя говорил, что это ему только так кажется.

Когда Федя сказал, что он в немцах только и заметил, что тупость, да, кроме того, очень часто обман, Тургенев ужасно как этим обиделся и объявил, что этим Федя его кровно оскорбил, потому что он сделался немцем, что он вовсе не русский, а немец. Федя отвечал, что он вовсе этого не знал, но что очень жалеет об этом. Федя, как он говорил, разговаривал все больше с юмором, чем еще больше сердил Тургенева, и ясно выказал ему, что роман его не имел успеха. Расстались, впрочем, они дружески, и Тургенев обещал дать книгу. Странный это человек, чем вздумал гордиться, — тем, что он сделался немцем? Мне кажется, русскому писателю не для чего бы было отказываться от своей народности, а уж признавать себя немцем — так и подавно. И что ему сделали доброго немцы, между тем как он вырос в России, она его выкормила и восхищалась его талантом. А он отказывается от нее, говорит что если б Россия провалилась, то миру от этого не было бы ничего тяжелого. Как это дурно со стороны русского говорить таким образом! Ну, да бог с ним, хотя я знаю, что Федю разговор с Тургеневым ужасно как рассердил и взволновала эта подлая привычка людей отречься от родного»7).

И, наконец, на следующий день Анна Григорьевна записывает: «В десять часов Федя проснулся и не захотел уже спать. Я сказала сделать чай; пришла Мари и принесла карточку Тургенева, который приехал в карете и, спросив ее, здесь ли мы живем, велел передать эту карточку. Вероятно, он не хотел зайти сам, чтоб не говорить с Федей, ну а долг вежливости нельзя было не отдать. Да и странно: кто делает визиты в десять часов утра,— разве это только по - немецки, да и то как-то странно».

Эти записки Анны Григорьевны являются авторитетным материалом для истории знаменитой ссоры писателей. Но это не единственный, идущий со стороны Достоевского источник; мы располагаем и драгоценным свидетельством самого Ф. М. об этой встрече, являющимся основным источником и гораздо более подробным, чем вышеприведенные — в основном точные — записи Анны Григорьевны. Собственное показание Достоевского входит в состав обширного письма к долголетнему другу его, поэту А. Н. Майкову. Письмо это является вообще ценным документом для изучения биографии писателя, так как в этом письме Ф. М. с редкой откровенностью и с детальными подробностями сообщает о своих тогдашних настроениях, о своей интимной жизни, о художественных замыслах, о материальных делах... Кроме того, письмо это замечательно тем, что выявляет ряд основных положений мировоззрения Достоевского, по которым он разошелся с Тургеневым.

Глубокая откровенность в письме Достоевского объясняется и тем, что А. Н.

Майков в то время был почти единственным лицом, с которым Федор Михайлович по отъезде за границу находился в деятельной переписке и которому сообщал свои сокровенные мысли. Между прочим, Достоевский собирался написать Майкову вскоре же после разговора с Тургеневым. Так, в дневнике Анны Григорьевны под 10 августа имеется следующая запись: «Федя сегодня сказал, что напишет Майкову, объяснит ему все свое положение, и попросит достать 100 рублей; что хоть у Майкова денег нет, но что он, вероятно, достанет». Но по неизвестной нам причине, Достоевский написал Майкову лишь из Женевы 16 августа (по новому стилю—28).

Это замечательнейшее письмо невозможно охарактеризовать несколькими словами; количество и глубина тем, в нем затронутых,— очень большие 8). В эти страницы нужно внимательнейшим образом вчитаться, дабы войти в их содержание и тогда внутренний мир писателя будет нам ясен (письмо это воспроизводится нами целиком по автографу; подлинник письма—в архиве А. Н. Майкова—ныне в Пушкинском Доме):

Женева, Августа 28/16—1867 года.

Эвона сколько времени я молчал и не отвечал на дорогое письмо Ваше, дорогой и незабвенный друг Аполлон Николаевич. Я вас называю: не-з а б в е н н ы м другом и чувствую в моем сердце, что название правильно: мы с Вами такие давнишние и такие привычные, что жизнь разлучавшая и даже разводившая нас иногда, не только не развела, но даже может быть и свела нас окончательно. Если Вы пишете, что почувствовали отчасти мое отсутствие, то ужь кольми паче я Ваше 9). Кроме ежедневно подтверждавшегося во мне убеждения в сходстве и стачке наших мыслей и чувств,—возьмите еще в соображение, что я, потеряв Вас, попал еще сверх того на чужую сторону, где нет не только русского лица, русских книг и русских мыслей и забот, но даже приветливого лица нет! Право, я даже не понимаю, как может заграничный русский человек, если только у него есть чувство и смысл этого не заметить и больно не прочувствовать. Может быть эти лица и приветливы для себя, но нам то кажется, что для нас нет. Право так! И как можно выживать жизнь за границей? Без родины — страдание, ей богу! Ехать хоть на полгода, хоть на год — хорошо. Но ехать так как я, не зная и не ведая когда ворочусь — очень дурно и тяжело. От идеи тяжело. А мне Россия нужна, для моего п и с а н и я и труда нужна (не говоря уже об остальной жизни), да и как еще! Точно рыба без воды; сил и средств лишаешься. Вообще об этом поговорим. Обо многом мне надо с вами поговорить, и попросить Вашего совета и помощи. Вы о д и н у меня, с которым я могу отсюда говорить. NB. Кстати: прочтите это письмо про себя и не рассказывайте обо мне кому не нужно знать. Сами увидите. Еще слово: почему я так долго вам

не писал? На это я вам обстоятельно ответить не в силах. Сам сознавал себя слишком не устойчиво и ждал хоть малейшей оседлости, чтоб начать с вами переписку. Я на Вас, на одного Вас надеюсь. Пишите мне чаще, не оставляйте меня, голубчик! А я Вам теперь буду очень часто и регулярно писать. Заведите переписку постоянную; ради бога! Это мне Россию заменит и сил мне придаст.

Расскажу же вам эти четыре месяца *tant bien que mal*, и откровенно.

Вы знаете, как я выехал и с какими причинами. Главных причин две: 1) Спасать не только здоровье, но даже жизнь. Припадки стали уж повторяться каждую неделю, а чувствовать и сознавать ясно это нервное и мозговое расстройство было невыносимо. Рассудок действительно расстраивался,— это истина. Я это чувствовал; а расстройство нервов доводило иногда меня до бешеных минут. 2-я причина — мои обстоятельства: Кредиторы ждать больше не могли и в то время как я выезжал, уж было подано ко взысканию Латкиным и потом Печаткиным 10)—немного меня не захватили. Оно положим — (и говорю не для красоты и не для словца) — долговое отделение с одной стороны было бы мне даже очень полезно. Действительность, материал, второй Мертвый дом, одним словом материалу было бы по крайней мере на 4 или на 5 тысяч рублей, но ведь я только что женился и, кроме того, выдержал-ли бы я душное лето в доме Тарасова?— Это составляло неразрешимый вопрос. Если же бы мне писать в доме Тарасова, при припадках усиленных, было нельзя,— то чем бы я расплатился с долгами? А обуза выросла страшная. Я поехал, но уезжал я тогда с смертью в душе. В заграницу я не верил, т. е. я верил, что нравственное влияние заграницы будет очень дурное: один, без материалу, с юным созданием, которое с наивной радостью стремилось разделить со мною странническую жизнь; но ведь я видел, что в этой наивной радости много неопытного и первой горячки, и это меня смущало и мучило очень. Я боялся, что Анна Григорьевна соскучится вдвоем со мной. А ведь мы действительно до сих пор только одни вдвоем. На себя же я не надеялся: характер мой больной и я предвидел, что она со мной измучается. (NB. Правда, Анна Григорьевна оказалась сильнее и глубже, чем я ее знал и рассчитывал и во многих случаях была просто ангелом-хранителем моим; но в тоже время — много детского и двадцатилетнего, что прекрасно и естественно необходимо, но чему я вряд-ли имею силы и способность ответить. Все это мне мерещилось при отъезде и хотя, повторяю, Анна Григорьевна оказалась и сильнее и лучше, чем я думал, но я все-таки и до сих пор не спокоен). Наконец, наши малые средства смущали меня: поехали мы со средствами весьма не великими и задолжав вперед три (!) тысячи Каткову. Я, правда, рассчитывал тотчас-же, выехав за границу, приняться немедленно за работу. Что-

ж оказалось? Ничего или почти ничего до сих пор не сделал и только теперь принимаюсь за работу серьезно и окончательно. Правда, на счет того, что ничего не сделал, я еще в сомнении: за то прочувствовалось и много кой-чего выдумалось; но написанного, но черного на белом еще немного, а ведь черное на белом и есть окончательное; за него только и платят.

Бросив поскорее скучный Берлин (где я стоял один день, где скучные немцы успели-таки расстроить мои нервы до злости и где я был в русской бане)— мы проехали в Дрезден, наняли квартиру и на время основались.

Впечатление оказалось очень странное; тотчас же мне представился вопрос: для чего я в Дрездене, именно в Дрездене, а не где-нибудь в другом месте, и для чего именно стоило бросать все в одном месте и приезжать в другое? Ответ-то был ясный (здоровье, от долгов и проч.). Но скверно было и то, что я слишком ясно почувствовал, что теперь где бы ни жить—оказывается все равно, в Дрездене или где-нибудь, везде на чужой стороне, везде ломоть отрезанный. Я было тотчас-же хотел за работу, и почувствовал, что положительно не работается, положительно не то впечатление. Что-же я делал? Прозябал. Читал, кой-что писал, мучился от тоски, потом от жары. Дни проходили однообразно. Мы с Аней регулярно после обеда гуляли в Большом саду, слушали дешевую музыку, потом читали, потом ложились спать. В характере Анны Григорьевны оказалось решительное антикварство (и это очень для меня мило и забавно). Для нее, например, целое занятие пойти осматривать какую-нибудь глупую ратушу, записывать, описывать ее (что она делает своими стенографическими знаками и исписала 7 книжек), но пуще всего заняла ее и поразила галерея, и я этому был очень рад: потому что в душе ее возродилось слишком много впечатлений, чтоб соскучиться. Ходила она в галерею каждый день. Сколько мы с ней переговорили и перетолковали о всех наших, о Петербургских, о Московских, о Вас и об Анне Ивановне 11); было довольно грустно отчасти.

Мыслей моих вам не описываю. Много накопилось впечатлений. Читал русские газеты и отводил душу. Почувствовал в себе, наконец, что материалу накопилось на целую статью об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое. Но что говорить об этом! Немцы мне расстраивали нервы, а наша русская жизнь, нашего верхнего слоя, и их вера в Европу и цивилизацию— тоже. Происшествие в Париже меня потрясло ужасно. Хороши тоже адвокаты парижские, кричавшие *Vive la Pologne!* Фу, что за мерзость, а главное глупость и казенщина. Еще более убедился я тоже в моей прежней идее: что отчасти и выгодно нам, что Европа нас не знает, и так гнусно

нас знает. А подробности процесса г.Березовского! ¹²⁾. Сколько гнусной казенщины; но главное, главное,— как это они не выболтались, как все еще на одном и том-же месте, все на одном и том же месте!

Россия тоже отсюда выпуклее кажется нашему брату. Необыкновенный факт состоятельности и неожиданной зрелости русского народа при встрече всех наших реформ (хотя бы только одной судебной) и в тоже время известие о высеченном купце 1 гильдии в Оренбургской губернии исправником. Одно чувствуется: что русский народ, благодаря своему благодетелю и его реформам, стал, наконец, мало по малу в такое положение, что поневоле приучится к деловитости, к самонаблюдению, а в этом-то и вся штука. Ей богу, время теперь по перелому и реформам чуть-ли не важнее Петровского. А что дороги? Поскорее бы на юг, поскорее как можно; в этом вся штука. К тому времени везде правый суд и тогда, что за великое обновление! (Обо всем об этом здесь думается, мечтается; от всего этого сердце бьется).

Здесь хоть и ни с кем почти не встречался, но и нельзя не столкнуться нечаянно. В Германии столкнулся с одним Русским, который живет за границей постоянно, в Россию ездит каждый год недели на три получить доход и возвращается опять в Германию, где у него жена и дети, все онемечились. Между прочим спросил его: «Для чего собственно он экспатрировался?» Он буквально (и с раздраженною наглостью) отвечал: «Здесь цивилизация, а у нас варварство. Кроме того, здесь нет народностей; я ехал в вагоне вчера и разобрать не мог француза от англичанина и от немца».

— Так стало быть это прогресс по вашему?

«Как-же, разумеется».

— Да знаете ли вы, что это совершенно неверно. Француз прежде всего француз, а англичанин—англичанин, и быть самими собою их высшая цель. Мало того: это-то и их сила.

«Совершенно неправда. Цивилизация должна сравнивать все, и мы тогда только будем счастливы, когда забудем, что мы русские, и всякий будет походить на всех. Не Каткова же слушать!

— А вы не любите Каткова?

«Он подлец».

— Почему?

«Потому, что поляков не любит».

— А читаете вы его журнал?

«Нет никогда не читаю».

Разговор этот я передаю буквально. Человек этот принадлежит к молодым

прогрессистам, впрочем, кажется держит себя от всех в стороне. В каких-то шпицов ворчливых и брезгливых они за границей обращаются.

Наконец, в Дрездене тоска измучила и меня и Анну Григорьевну. А главное, оказались следующие факты: 1) По письмам, которые переслал мне Паша ¹³⁾ (он только раз и писал мне) оказалось, что кредиторы подали ко взысканию (стало быть возвращаться в Россию до уплаты нельзя). 2) Жена почувствовала себя беременною (Это пожалуй ста между нами. Девять месяцев выйдут к февралю: стало быть возвращаться тем более нельзя), 3) Предстал вопрос: что же будет с моими петербургскими, с Эмилией Федоровной ¹⁴⁾ и с Пашей и с некоторыми другими? Денег, денег, а их нет! 4) Если зимовать, то зимовать где-нибудь на юге. Да к тому же хотелось хоть что-нибудь показать Анне Григорьевне, развлечь ее, поездить с ней. Решили зимовать где-нибудь в Швейцарии, или в Италии. А денег нет. Взятые нами уже поистратились. Написал Каткову ¹⁵⁾, описал все положение и попросил еще 500 рублей вперед. Как вы думаете: ведь прислал! Что за превосходный это человек! Это с сердцем человек! Мы отправились в Швейцарию. Но тут начну вам описывать мои подлости и позоры.

Голубчик Аполлон Николаевич, я чувствую, что могу Вас считать как моего судью. Вы человек и гражданин, Вы человек с сердцем, в чем Вы убедили меня давно, Вы муж и отец примерный, наконец, суждение Ваше я всегда ценил. Мне перед вами покаяться не больно. Но пишу только для Вас одного. Не отдавайте меня на суд людской!

Проезжая не далеко от Бадена, я вздумал туда завернуть. Соблазнительная мысль меня мучила: пожертвовать 10 луидоров и может быть выиграю хоть 2.000 франков лишних, а ведь это на 4 месяца житья, со всем, со всеми петербургскими. Гаже всего, что мне и прежде случалось иногда выигрывать. А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная. Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил.

Бес тотчас же сыграл со мной штуку: я, дня в три, выиграл 4000 франков с необыкновенной легкостью. Теперь изображу Вам, как все это мне представилось: с одной стороны этот легкий выигрыш,—из ста франков я в три дня сделал четыре тысячи. С другой стороны долги, взыскания, тревога душевная, невозможность воротиться в Россию. Наконец, третье и главное—сама игра. Знаете ли вы как это втягивает! Нет, клянусь Вам, тут не одна корысть, хотя мне прежде всего нужны были деньги для денег. Анна Григорьевна умоляла меня довольствоваться 4000 франков и сейчас уехать. Но ведь такая легкая и возможная возможность поправить все! А примеры-то? Кроме собственного выигрыша, ежедневно видишь, как другие берут по 20 000, 30 000 франков.

(Проигравшихся не видишь). Чем они святые? Мне деньги нужнее их. Я рискнул дальше и проиграл. Стал свои последние проигрывать, раздражаясь до лихорадки — проиграл. Стал закладывать платье. Анна Григорьевна все свое заложила, последние вещицы (что за ангел! Как утешала она меня, как скучала в проклятом Бадене, в наших двух комнатках над кузницей, куда мы переехали). Наконец, довольно, все было проиграно. (О, как подлы при этом немцы, какие все до единого ростовщики, мерзавцы и надувалы! Хозяйка квартиры, понимая, что нам покамест до получения денег некуда ехать, набавила цену!) Наконец, надо было спасаться, уезжать из Бадена. Опять написал Каткову, опять попросил 500 рублей (не говоря об обстоятельствах, но письмо было из Бадена и он наверно кое-что понял). Ну-с, ведь прислал! Прислал! Итого теперь 4000 взято вперед из Русского Вестника. Но, однако-жь, вот в чем дело: из этих 500 более половины пошло на уплату процентов и перезаклад нашей мебели в Петербурге, что сделала мать Анны Григорьевны. На ее имя, по моей просьбе, и деньги были высланы из Р[усского] Вестника. Затем 100 руб. пошли на уплату долгов в Бадене, 50 рублей ждем еще — мать Анны Григорьевны вышлет (из тех же 500 рублей. Это недополученный остаток) и наконец франков 200 осталось нам на переезд в Женеву. (Почему в Женеву? А почем я знаю; не все ли равно). В Женеву-то мы переехали, наняли *Chambre garnie* у двух старух, а теперь, т. е. на четвертый день у нас всего капитала 18 франков. Кроме 50 рублей, которые ожидаем на днях от Анны Николаевны, — месяца на два не предстоит в виду никакого получения.

Но чтоб окончить с Баденом: в Бадене мы промучались в этом аде -7 недель. В самом начале, как только что я приехал в Баден, на другой же день, я встретил в вокзале Гончарова. Как конфузился меня вначале Иван Александрович 16). Этот статский или действительный статский советник тоже поигрывал. Но так как оказалось, что скрываться нельзя, а к тому же я сам играю с слишком грубою откровенностью, то он и перестал от меня скрываться. Играл он с лихорадочным жаром (в маленькую, на серебро), играл все 2 недели, которые прожил в Бадене, и, кажется значительно проигрался. Но дай бог ему здоровья, милому человеку; когда я проигрался до тла (а он видел в моих руках много золота), он дал мне, по просьбе моей, 60 франков займа. Осуждал он меня должно быть ужасно: «зачем я все проиграл, а не половину, как он?»

Гончаров все мне говорил о Тургеневе, так что я, хоть и откладывал заходить к Тургеневу, решился, наконец, ему сделать визит. Я пошел утром в 12 часов и застал его за завтраком. Откровенно скажу вам: я и прежде не любил этого человека лично. Сквернее всего то, что я еще с 1867 года, с Wisbaden'a, должен ему 50 талеров (и не отдал до сих пор!) 17). Не люблю тоже его аристократически-фарисейское объятие, с которым

он лезет целоваться, но подставляет Вам свою щеку. Генеральство ужасное; а главное его книга Дым меня раздражила. Он сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги, состоит в фразе: «Если бы провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве»¹⁸). Он объявил мне, что это его основное убеждение о России. Нашел я его страшно раздраженным неудачей Дыма. А я, признаюсь, и не знал всех подробностей неудачи. Вы мне писали о статье Страхова в От[ечественных] Записках. Но я не знал, что его везде отхлестали и что в Москве, в Клубе, кажется, собирали уже подписку имен чтобы протестовать против его Дыма. Он мне это сам рассказывал. Признаюсь Вам, что я никак не мог представить себе что можно так наивно и неловко выказывать все раны своего самолюбия, как Тургенев. И эти люди тщеславятся, между прочим, тем, что они атеисты! Он объявил мне, что он окончательный атеист. Но, боже мой: деизм нам дал Христа, т. е. до того высокое представление человека, что его понять нельзя без благоговения и нельзя не верить, что это идеал человечества вековечный! А что же они-то — Тургеневы, Герцены, Утины, Чернышевские — нам представили? Вместо высочайшей красоты божьей, на которую они плюют, все они до того пакостно самолюбивы, до того бесстыдно раздражительны, легкомысленно горды, что просто непонятно: на что они надеются и кто за ними пойдет? Ругал он Россию и Русских безобразно, ужасно¹⁹). Но вот, что я заметил: все эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Белинского, ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением. Разница в том, что последователи Чернышевского просто ругают Россию и откровенно желают ей провалиться (преимущественно провалиться!) Эти же отпрыски Белинского прибавляют, что они любят Россию. А между тем, не только все что есть в России чуть-чуть самобытного им ненавистно, так что они его отрицают и тотчас-же с наслаждением обращают в карикатуру, но что еслиб действительно представить им, наконец, факт, который уже нельзя опровергнуть или в карикатуре испортить, а с которым надо непременно согласиться, то мне кажется они бы были до муки, до боли, до отчаяния несчастны²⁰). Заметил я, что Тургенев, например (равно как и все, долго не бывшие в России) решительно фактов не знают (хотя и читают газеты) и до того грубо потеряли всякое чутье России, таких обыкновенных фактов не понимают, которые даже наш русский нигилист уже не отрицает, а только каррикатурит по своему. Между прочим, Тургенев говорил, что мы должны ползать перед немцами, что есть одна общая всем дорога и неминуемая, — это цивилизация и что все попытки руссизма и самостоятельности — свинство и глупость. Он говорил, что пишет большую статью на всех Руссофилов и Славянофилов. Я посоветовал ему, для удобства, выписать из Парижа

телескоп. «Для чего?» спросил он.— Отсюда далеко,—отвечал я.— Вы наведите на Россию телескоп и рассматривайте нас, а то право разглядеть трудно. — Он ужасно рассердился. Видя его таким раздраженным, я действительно с чрезвычайно удавшеюся наивностью сказал ему: — «А ведь я не ожидал, что все эти критики на вас и неуспех Дыма до такой степени раздражат вас; ей-богу не с т о и т того, плюньте на все».—«Да я вовсе не раздражен, что вы» и покраснел. Я перебил разговор; заговорил о домашних и личных делах, я взял шапку и как-то совсем без намерения, к слову, высказал все, что накопилось в три месяца в душе от Немцев.

«Знаете ли, какие здесь плуты и мошенники встречаются? Право, черный народ здесь гораздо хуже и бесчестнее нашего, а что глупее, то в этом сомнения нет. Ну, вот, Вы говорите про цивилизацию; ну, что сделала им цивилизация и чем они могут перед нами похвастаться!»

Он побледнел (буквально ничего, ничего не преувеличиваю!) и сказал мне: «Говоря так, вы меня л и ч н о обижаете. Знайте, что я здесь поселился окончательно, что я сам считаю себя за Немца, а не за Русского, и горжусь этим !»²¹). Я ответил: «Хоть я читал Дым и говорил с Вами теперь целый час, но все-таки я никак не мог ожидать, что Вы это скажете, а потому извините, что я Вас оскорбил».

Затем мы распрощались весьма вежливо, и я дал себе слово более к Тургеневу ни ногой никогда. На другой день Тургенев, ровно в 10 часов утра, заехал ко мне и оставил хозяевам для передачи мне свою визитную карточку. Но так как я сам сказал ему накануне, что я раньше двенадцати часов принять не могу, и что спим мы до одиннадцати, то приезд его в 10 часов утра, я принял за ясный намек, что он не хочет встречаться со мной, и сделал мне визит в 10 часов именно для того, чтоб я это понял. Во все 7 недель я встретился с ним один только раз на вокзале. Мы поглядели друг на друга, но ни он, ни я не захотели друг другу поклониться.

Может быть, Вам покажется неприятным, голубчик Аполлон Николаевич, эта злорадность, с которою я Вам описываю Тургенева, и то, как мы друг друга оскорбили. Но, ей богу, я не в силах: он слишком оскорбил меня своими убеждениями. Лично мне все равно, хотя с своим генеральством он и не очень привлекателен; но нельзя же слушать такие ругательства на Россию, от русского изменника, который бы мог быть полезен. Его ползание перед немцами и ненависть к Русским я заметил давно, еще четыре года тому назад. Но теперешнее раздражение и остервенение до пены у рта на Россию происходят единственно от неуспеха Дыма и что Россия осмелилась не признать его гением. Тут одно самолюбие и это тем пакостнее. Но черт с ними со всеми!

Теперь выслушайте, друг мой, мои намерения: я, конечно, сделал подло, что

проиграл. Но говоря сравнительно, я проиграл немного своих-то денег. Тем не менее эти деньги могли служить мне месяца на два жизни, даже на четыре, судя по тому, как мы живем. Я уже вам сказал: я не мог устоять против выигрыша. Еслиб я первоначально проиграл 10 луидоров, как положил себе, я бы тотчас бросил все и уехал. Но выигрыш 4000 франков погубил меня! Возможности не было устоять против соблазна выиграть больше (когда это оказывалось так легко) и разом выйти из всех этих взысканий, обеспечить себя на время и всех моих: Эмилию Федоровну, Пашу и пр. Впрочем, это все ни мало меня не оправдывает, потому что я был не один. Я был с юным, добрым и прекрасным существом, которое верит в меня вполне, которого я защитник и покровитель, а след[овательно] которое я не мог губить и так рисковать всем, хотя бы и не многим. Будущность моя представляется мне очень тяжелою: главное, возвратиться в Россию не могу, по вышеизложенным причинам, а пуще всего вопрос: что будет с теми, которые зависят от моей помощи? Все эти мысли убивают меня. Но так или этак, а из этого положения, рано ли, поздно ли, надо выйти. Надеяться же я могу, конечно, только на одного себя, потому что другого нет ничего в виду.

В 65 году, возвратясь из Висбадена, в Октябре, я кое как уговорил кредиторов капельку подождать, сосредоточился в себе и принялся за работу. Мне удалось и кредиторам было порядочно заплачено. Теперь я приехал в Женеву с идеями в голове. Роман есть, и если бог поможет, выйдет вещь большая и, может быть, недурная. Люблю я ее ужасно и писать буду с наслаждением и тревогой.

Катков сам мне сказал в Апреле, что им бы хотелось и было - бы лучше начать печатать мой роман с Января 1868 года. Так оно и будет, хотя высылать частями я начну раньше.

Хотя здесь и нет кредиторов, но обстановка моя хуже чем в 65-м году. Все-таки Паша, Эмилия Федоровна были перед глазами. К тому-же я был один. Правда, Анна Григорьевна ангел, и если-б вы знали, что она теперь для меня значит! Я ее люблю и она говорит, что она счастлива; вполне счастлива и что не надо ей ни развлечений, ни людей, и что вдвоем со мной, в комнате, она вполне довольна.

Хорошо. Теперь стало быть мне месяцев шесть непрерывной работы. Но к тому времени жене придется родить. Женева город хороший: тут и доктора и французский язык. Но климат очень дурен, мрачный, а осень, зима — скверность. Может быть, если будут средства, месяца через два с половиной можно будет еще переехать в Италию. Вообще зимовать или в Италии, или в Париже. Вообще, где выгоднее и удобнее не знаю. А может быть и прямо до весны в Женеве останемся.

Денежные расчеты такие: если напечатать роман, то Катков не откажет еще вперед

дать в течение будущего года, тоже тысячи три. Тут, стало быть, будет для нас и для Паши с Эм[илией] Фед[оровной] и даже не много и для кредиторов (для ободрения их). Роман-же можно продать или запродасть с половины года, вторым изданием.

Вы один у меня, Вы, мой голубчик, мое Провидение. Не откажите помогать мне в будущем. Ибо во всех этих моих делах и делишках я буду умолять принять участие.

Вам вероятно ясна мысль, основная мысль всех этих надежд моих: ясно, что все это, может успеть сделаться и принести свои результаты под одним только условием; именно: что роман будет хорош. Об этом, стало быть, и нужно теперь заботиться всеми силами.

(Ах, голубчик, тяжело, слишком тяжело было взять на себя эту заносчивую мысль, три года назад, что я заплачу все эти долги и сдуру дать все эти векселя! Где взять здоровья и энергии для этого! И если опыт показал уже, что успех может быть, то при каком условии: при одном только, что всякое сочинение мое непременно будет на столько удачно, чтоб возбудить довольно сильное внимание в публике; иначе— все рушилось. Да разве это возможно, разве это может пойти в арифметический расчет!)

Теперь последнее мое слово к Вам. Выслушайте, сообразите и помогите!

У нас теперь 18 франков. Завтра или послезавтра придут от матери Анны Григорьевны 50 рублей, которые она нам не дослала из Катковских денег. И вот все, все средства наши, до нового получения от Каткова. (Мать Анны Григорьевны, именно теперь, в эту минуту, в таких обстоятельствах, что ни одной копейкой нам помочь не может).

Но просить у Каткова, теперь, решительно нельзя. Через 2 месяца дело другое: тогда я вышлю ему тысячи на полторы романа и опишу свое положение, 1000 руб. он зачтет в уплату моего долга, а 500 мне вышлет. Я на это надеюсь вполне: он добр и благороден 22).

Но как же прожить эти 2 месяца работы? Не судите меня и будьте моим ангелом-хранителем! Я знаю, Аполлон Николаевич, что у вас у самих денег лишних нет. Никогда бы я не обратился к Вам с просьбой о помощи. Но я ведь утопаю, утонул совершенно. Через две-три недели я совершенно без копейки, а утопающий протягивает руку, уже не спрашиваясь рассудка. Так делаю и я. Я знаю, что Вы расположены ко мне хорошо; но знаю тоже, что помочь мне деньгами Вам почти невозможно. И все-таки, зная это, прошу у Вас помощи, потому что, кроме Вас— никого не имею, и если Вы не поможете, то я погибну, вполне погибну!

Вот моя просьба:

Я прошу у вас 150 рублей. Вышлите мне их в Женеву, *poste restante*. Через 2 месяца,

редакция Русского Вестника вышлет вам 500 рублей на мое имя. Я сам буду просить ее сделать так. А что она вышлет— в этом нет сомнения, только бы я выслал им роман. А я вышлю. Это тоже без сомнения.

Итак, я прошу у Вас на два месяц а. Голубчик, спасите меня! Заслужу Вам во веки дружбой и привязанностью. Если у Вас нет, займите у кого-нибудь для меня. Простите, что так пишу: но ведь я утопающий!

С сентября месяца Паша останется без денег (об Эмилии Федоровне я уж не говорю!) и потому из этих 150 руб. отделите ему 25 руб. и выдайте ему покамест, сказав чтоб он потеснился и поприжался месяца на два. Потом, я напишу Вам сколько отделить для него покамест из Катковских 500 руб. Для того-то я и намерен просить редакцию Русского Вестника присылать впредь деньги на Ваше имя; ибо я умоляю быть мне на время помощником в кое-каких моих петербургских делишках, т. е. через Ваши руки буду производить кой-какие уплаты и выдачи. Не беспокойтесь, тут не будет ничего, что бы Вас поставило в двусмысленное положение. Я прошу только Вашего дружеского участия, умоляю, потому что никого, никого нет у меня в Петербурге, кроме Вас, на кого-бы я мог понадеяться!

Прошу Вас тоже написать мне как можно скорее. Не оставляйте меня одного! Бог Вас вознаградит за это.

Скажите Паше чтоб написал мне сюда, в Женеву, обо всем что с ним было, и если имеет ко мне письма, то чтоб прислал их по примеру прошлого раза. Я получил от него всего только одно письмо за все это время: не любит он меня кажется совсем. А ведь это очень тяжело.

Адресе мой: M-r Theodore Dostoiewsky, Suisse, Geneve, poste restante.

Напишите мне тоже Ваш адресе. Так как я не знаю Ваш дом, то посылаю это письмо через Анну Николаевну Сниткину (мать Анны Григорьевны), она и доставит Вам.

Во всяком случае, прошу Вас убедительнейше, напишите мне, голубчик, как можно скорее и сообщите побольше известий обо всех наших, об том, что делается, что в ходу, что вы делаете сами. Одним словом, оросите каплей воды душу, изсохшую в пустыне. Ради бога!

Всем Вашим поклон, родителям и Анне Ивановне. Ей особенно. От Анны Григорьевны особенно. Сколько мы об Вас вспоминали, сколько мы переговорили.

Когда-то мы увидимся!

Посоветуйте мне тоже что-нибудь. Скажите мне Ваш взгляд на мое положение. Да не слышали ли Вы чего об моих делах петербургских, хоть от Паши.

В будущем письме напишу кой о чем и другом.

В Женеве я совершенно уединен и никого из русских не видал.

Ни звука русского, ни русского лица!

Прощайте, обнимаю Вас крепко, крепко и целую.

Ваш весь ,

Федор Достоевский.

В начале сентября А. Н. Майков получил это письмо. Просимые Достоевским 125 р. он перевел немедленно застрахованным письмом (на что Достоевский писал ему 15 сентября: «Ваши 125 руб. решительно нас спасли»); об остальных же выполненных им поручениях Майков написал Достоевскому 20 сентября (письмо это недавно появилось в печати 23).

О письме Достоевского можно было бы предположить, что оно сделалось известным только семье Майкова, в лучшем же случае тесному кругу его друзей, и будет покоиться в его архиве. В самом же деле письмо это вскоре послужило материалом большого скандала в литературном мире.

III

В сентябре того же 1867 года на имя редактора „Русского Архива“ П. И. Бартенева было прислано в копии основное место письма Достоевского — его разговоры с Тургеневым, причем адресат письма не указывался. В препроводительном письме какого-то анонима 24) Бартеневу предлагалось сохранить этот документ для потомства в Чертковской Библиотеке 25).

Каким-то образом, нам пока неизвестным, ближайший друг Тургенева и его постоянный петербургский корреспондент — П. В. Анненков, узнал об этой присылке и немедленно уведомил об этом Тургенева ²⁶⁾. В письме к Анненкову от 22 декабря 1867 года Тургенев пишет: «Ну, однако, удивили Вы меня сообщением известия об письме Достоевского (что это он — в этом нет ни тени сомнения). Вот после этого и пускай к себе соотечественников... Молодца! Прилагаемое мое письмо к Бартеневу можете по благоусмотрению переслать... Возьмите копию с письма к Бартеневу и не стесняйтесь показывать кому угодно»²⁷⁾.

Последнее пожелание Тургенева падкий до литературных скандалов Анненков не замедлил выполнить. Вот, например, его письмо к В. П. Боткину, до сих пор в печати неизвестное, относящееся к тому же времени (воспроизводим с подлинника, хранящегося в собрании Ю. А. Бахрушина; за разрешение опубликовать это письмо приносим искреннюю благодарность Ю. А.):

31 Декабря [1867 г. Петербург].

Прошу Вас, многоуважаемый Василий Петрович, подождать несколько

присылкой ящика чая, о котором мы говорили, покуда я не распределю часть его содержания между знакомыми, памятующими его прелесть, так как оставить его за собой целиком мне совсем в моготу. Теперь это не продлится долго. На-днях я сам Вас увижу.

Покамест, для развлечения Вашего, прилагаю копию с письма Тургенева к Бартеневу в Москву, по поводу наветов Достоевского. Оно, конечно, пустое, да неприятное дело.

Весь Ваш

П. Анненков.

Письмо же Тургенева К П. И. Бартеневу Анненков по получении его немедленно переслал адресату. Вот текст— письма 28):

Милостивый государь Петр Иванович!

До сведения моего дошло, что в Чертковскую библиотеку прислано на Ваше имя письмо с подписью г-на Ф. М. Достоевского и что в этом письме, которое должно явиться в свет не ранее 1890 года, изложены им мнения возмутительные и нелепые о России и Русских, которые он приписывает мне. Эти мнения, составляющие будто бы мое задушевное убеждение, были высказаны мною, по уверению г-на Ф. Достоевского, в его присутствии, в Бадене, нынешним летом, во время единственного посещения, которым он меня почтил. Не говоря уже о том, насколько может быть оправдано подобное злоупотребление доверия, я вынужденным нахожусь объявить с своей стороны, что выразить свои задушевные убеждения пред г. Достоевским я уже потому полагал бы неуместным, что считаю его за человека, вследствие болезненных припадков и других причин, не вполне обладающего собственными умственными способностями; впрочем, это мнение мое разделяется многими другими лицами. Виделся я с г-м Достоевским, как уже сказано, всего один раз. Он высидел у меня не более часа и, облегчив свое сердце жестокою бранью против Немцев, против меня и моей последней книги, удалился; я почти не имел времени и никакой охоты возражать ему: я, повторяю, обращался с ним как с больным. Вероятно, расстроенному его воображению представились те доводы, которые он предполагал услышать от меня, и он написал на меня свое... донесение потомству. Не подлежит сомнению, что в 1890 году и г-н Достоевский, и я — мы оба не будем обращать на себя внимания соотечественников; а если мы и не будем совершенно забыты, то судить о нас станут не по односторонним извещениям, а по результатам целой жизни и деятельности; но я все-таки почел своей обязанностью теперь протестовать против подобного искажения моего образа мыслей.

Мне остается просить Вас извинить меня, что я решился обратиться к Вам, не имея чести быть лично Вам знакомым, а также принять выражение совершенного уважения и

преданности, с которыми остаюсь Вашим покорнейшим слугою.

Ив. Тургенев.

Баден-Баден, Schillerstrasse, 7.

3-го Янв. 1868. (22 Декабря 1867)

В ответ на это письмо Бартенев написал Тургеневу следующее (письмо публикуется нами впервые; автограф — в части архива Тургенева, находящемся в Пушкинском Доме Академии Наук СССР):

Милостивый Государь

Иван Сергеевич!

На почтеннейшее письмо Ваше от 9 Января сего года, доставленное мне И. И. Масловым, имею честь отвечать, что действительно в Чертковскую библиотеку доставлено было на 4 стр. мелкого письма описание разговора, происходившего якобы между Вами и г. Достоевским в Бадене, летом 1867 года. Но это описание наполнено столь неумеренными выражениями и столь явными доказательствами болезненно раздраженного самолюбия, что может вызвать в читателе только улыбку соболезнования. Сберегая эту тетрадку по желанию доставителя, полагаю, что таковая апелляция к по- томству не оправдывает надежд автора. Впрочем, я должен сказать, что тетрадка получена вовсе не от г. Достоевского (которого мне не случилось даже и видеть) и подписи его на ней нет.

Пользуясь случаем, чтобы выразить Вам чувства живейшего уважения и — дозволю прибавить — литературного сочувствия.

1868.

Генв. 26. Петр Бартенев,

Москва. Чертковская б-ка.

Тургенева этот ответ удовлетворил. Это явствует из письма его к П. В. Анненкову от 4-го февраля 1868 года, где читаем: «Я получил от П. И. Бартенева очень вежливое письмо, в котором он отзывается, как следует, о сумасбродном извете г. Достоевского, который, однако, не подписан им, но очевидно проистекает из его пера».

На этом заканчивается история с присылкой копии письма Достоевского в Чертковскую Библиотеку.

IV

О ссоре с Достоевским в Бадене Тургенев непосредственно после встречи данных не сообщал. Можно предположить, что Тургенев написал об этом свидании своему петербургскому другу — П. В. Анненкову. Но, к сожалению, в письмах Тургенева к нему

за 1867 год, напечатанных академиком Л. Н. Майковым, отсутствуют письма за август этого года. Нет писем за этот период и в связке неизданных писем Тургенева, хранящихся в Центр архиве 29).

Позднейших же откликов Тургенева на эту встречу сохранились два: один в письме к Полонскому, другой — устный, записанный Евг. Гаршиным.

В 1871 году, узнав о том, что Достоевский вывел его под фамилией Кармазинова в „Бесах“, Тургенев пишет к Я. П. Полонскому (24 апреля): «Мне сказывали, что Достоевский «вывел» меня... что-ж! пускай забавляется. Он пришел ко мне лет 5 тому назад в Баден не с тем, чтобы выплатить мне деньги, которые у меня занял, а обругать меня на чем стоит — за «Дым», который по его понятию, подлежал сожжению от руки палача. Я слушал, молча, всю эту филиппику, и что же узнаю? — Что будто я ему выразил всякие преступные мнения, которые он поспешил сообщить Бартеневу (Б. действительно мне написал об этом). Это была бы просто-на-просто клевета — если бы Достоевский не был сумасшедшим— в чем я нисколько не сомневаюсь. Быть может, ему это все померещилось» 30).

На неточностях этого сообщения Тургенева мы останавливаться не будем — они ясны из выше-публикуемых материалов.

Второе свидетельство о ссоре, идущее от Тургенева, сохранилось в воспоминаниях Евг. Гаршина. Относится нижеприведенная запись разговора к году смерти Достоевского— 1881. «Весь этот разговор— пишет Гаршин — завел молодой родственник Ивана Сергеевича, юноша искренний, прямой, не стеснявшийся откровенно высказывать охватившее тогда чуть не всю молодежь увлечение Достоевским, доходившее до самозабвения. Иван Сергеевич не пожалел этого молодого увлечения и, конечно, без труда разбил его, набросавши весьма несимпатичный образ покойного писателя. «Не добрый он был человек и не мог равнодушно относиться к чужому успеху», говорил Иван Сергеевич. Мало ему было, что он меня вывел в Кармазинове, но зачем было Грановского трогать: ведь он покойник».

В передаче Гаршина многое перепутано, что, впрочем, очень легко установить при сопоставлении с вышенапечатанными материалами. Вот основной рассказ Евг. Гаршина:

«Указав на неуменье Достоевского отрешаться от личностей, он [Тургенев] рассказал и свое личное столкновение с Достоевским, после которого они окончательно разошлись.

Это в было Баден-Бадене, в 1868 году, когда только что вышел «Дым». В это время Достоевский был сильно увлечен игрой, был в большом выигрыше, уверился,

что он попал на счастливые номера и... проиграл все до копейки. Находясь в затруднительном положении, Достоевский взял займы у Тургенева какую-то незначительную сумму денег. Вскоре затем он отыгрался, перестал играть и привез Тургеневу свой долг. Но уже отдав деньги, Достоевский все-таки, по замечанию Тургенева, чувствовал тяжесть своего обязательства относительно человека, которого он не любил, а тут как нарочно пищей для этого раздражения оказался злополучный «Дым».

— Эту книгу надо сжечь рукою палача, — сказал Достоевский, взяв книгу в руки.

Тургенев (к сожалению, вся эта сцена происходила один на один), скромно осведомился о причинах и в ответ услышал целую обвинительную речь, на тему: вы ненавидите Россию, вы не верите в ее будущее и т. д. — одним словом Достоевский отождествлял Потугина с самим Тургеневым. Иван Сергеевич рассказывал, что предпочел выслушать все молча и дожидаться, пока Достоевский кончит и уйдет. Так действительно и было сделано. Но, спустя несколько времени, Иван Сергеевич получил извещение от издателя «Русского Архива» г. Бартенева, что Достоевский обратился к нему с письмом, в котором воспроизведен вышеупомянутый монолог, но не как обвинение против Тургенева, а как его личную исповедь, в формуле: «Я ненавижу Россию» и т. д. При этом Достоевский просил опубликовать это его письмо никак не ранее известного срока (сколько помню 10—15-летнего). На вопрос Бартенева, как ему поступить в данном случае, Иван Сергеевич отвечал, что это для него совершенно безразлично.

Сообщаю этот факт так, как я его слышал от Ивана Сергеевича, особенно в виду того, что в настоящее время, в числе материалов для биографии Достоевского, кажется, находится письмо к А. Н. Майкову, относящееся к этому самому эпизоду, только что мною рассказанному. Для биографа, конечно, нет ничего хуже, как такой случай, когда два лица, ведшие беседу с глаза на глаз, передают эту беседу совершенно различно. Биограф невольно склонится туда, где лежат его симпатии. Если же предположить, что симпатии лежат в обе стороны, или есть силы относиться к обеим сторонам объективно, то тогда во всяком случае заслуживает внимания то обстоятельство, что Тургенев, обвиняемый в ненависти к своей родине, отбивался от этого обвинения. Вообще нужно сказать, что Иван Сергеевич очень невыгодно отзывался о нравственных качествах Достоевского».

Этот рассказ вскоре вызвал следующую «Архивную Справку» П. И. Бартенева 31):

«В XI-й книжке «Исторического Вестника» напечатаны Воспоминания г. Гаршина о Тургеневе, где приведен рассказ Тургенева об его размолвке с Достоевским и о том, как

сей последний обращался к нему с обвинительной речью».

«Иван Сергеевич (повествует г. Гаршин), получил извещение от издателя «Русского Архива» г. Бартенева, что Достоевский обратился к нему с письмом, в котором воспроизведен вышеупомянутый монолог. При этом Достоевский просил опубликовать это письмо никак не ранее известного срока (сколько помню 10—15-ти-летняго). На вопрос Бартенева, как ему поступить в данном случае, Иван Сергеевич отвечал, что это для него совершенно безразлично».

Память в этом случае изменяла г. Гаршину, либо Тургеневу. Никакого письма от Достоевского я не получал, а вот что было. В сентябре 1867 г. прислано на мое имя в списке несколько страниц Достоевского (помеченных Женева, 16 августа 1867), в которых рассказана его встреча с Тургеневым в Баден-Бадене с подробностями их бесед и споров. В письме постороннего лица, сопровождавшем это сообщение, заявлено, что эти листки посылаются мне для хранения. Ни с Достоевским ни с Тургеневым в то время я еще не был знаком ни лично, ни письменно и никакого письма в то время Тургеневу я не писал, но не мало удивился я, когда в том же году получил от Тургенева из Баден-Бадена, от 22 декабря ст. ст., письмо с опровержением взводимых на него Достоевским обвинений, тоже для хранения.

С этих пор я неоднократно переписывался с Тургеневым по «Русскому Архиву», куда он несколько раз присылал исторические бумаги и где в 1869 г. поместил статью свою «Вечер у Плетнева». Приехав в Москву, Тургенев посетил меня; но ни тогда, ни после не заводил разговора о своем письме про Достоевского, которое начинается словами: «До сведения моего дошло» и оканчивается: «Мне остается просить вас извинить меня, что я решился обратиться к вам, не имея чести быть лично вам знакомым» и пр.

Стало-быть...

П. Барте́нев,

8 ноября 1883 года".

Позже Барте́нев снова возвратился к этой теме. В 1902 году через тридцать пять лет после присылки в Чертковскую Библиотеку списка письма Достоевского к «неизвестному лицу», Барте́нев посвятил вражде этих писателей небольшую статью.

V

Заканчиваем наш очерк библиографической справкой об истории опубликования этого замечательного письма Достоевского к Майкову, которая тем более интересна, что публикация письма растянулась на 45 лет, перетерпев множество искажений и пропусков.

Впервые это письмо для печати было подготовлено сейчас же после смерти Достоевского, когда для первого тома собрания его сочинений, а позже сборника

«Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» Анна Григорьевна собирала письма своего мужа. Но так как к моменту подготовки сборника к печати Тургенев был еще жив, Анна Григорьевна проделала с этим документом странную операцию: она значительно сократила все письмо, все относящееся к Тургеневу выпустила совершенно, один же отрывок, относящийся к какому-то студенту, она переставила в другое место и вследствие этого получилась полная бессвязность; фамилии же Гончарова и Тургенева она совершенно выпустила. Между прочим, в «Комнате Ф. М. Достоевского» Государственного Исторического Музея сохранились 124 гранки корректур писем Ф. М. к разным лицам, вошедших в сборник «Биография, письма...» Эти корректуры по настоянию Анны Григорьевны оставались «недоступными для общественного пользования», а именно по имеющимся там исключениям, не появившимся в свое время в печати, виден редакторский террор Анны Григорьевны 32).

Против таких своеобразных редакторских приемов раздавались голоса сейчас же после выхода сборника в свет. Особенно горячо восставали против искажения драгоценного письма к А. Н. Майкову. Вот что писал Орест Миллер в 1884 году: «Письмо это [к Майкову], напечатано с такими пропусками, что трудно и догадаться, в чем его главное содержание. После того, что рассказано о печальном эпизоде со слов Тургенева, деликатность, руководившая издателями писем Достоевского, оказывается излишней. На основании старого правила: «*audiatur et altera pars*», следовало бы припечатать письмо Достоевского в полном виде, как дополнение к первому тому, бывшему уже готовым к выходу в свет в то время, когда появилась статья г. Гаршина. Я читал это письмо и знаю, что как бы «невыгодно — по словам г. Гаршина — ни отзывался Тургенев о нравственных качествах Достоевского», с Тургеневым его развели не какие-нибудь личные побуждения или счеты, а исключительно то, что Достоевский не мог помириться с Потугиным, в котором, по словам Федора Михайловича, Тургенев признал свое собственное исповедание (это, конечно, могло произойти только в пылу раздражения: на самом деле, ведь и то, что говорит Потугин, оказывается у Тургенева «Дымом»)»...» — Но, конечно, письмо не было перепечатано в то время и в таком искаженном виде оставалось до наших дней.

В 1902 году отрывок из этого письма, посвященный Тургеневу, опубликовал в «Русском Архиве» П. И. Бартенев, по копии, присланной в 1867 году в Чертковскую Библиотеку.

Отсюда эта часть письма была извлечена В. Е. Чехихиным-Ветринским в 1912 году в его издании «Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках». Но

Ветринский не только не восстановил этого письма целиком, но сократил целый ряд других мест, имеющих в «Биографии». Во втором издании своего сборника Ветринский напечатал это письмо в таком же виде.

И, наконец, 1924 году Е. Б. Покровская по подлинному автографу письма, поступившего в состав Майковского архива в Пушкинский Дом восстановила во втором сборнике статей и материалов по Достоевскому несколько строк, пропущенных во всех предыдущих публикациях.

В нашем же очерке документ этот целиком по автографу воспроизводится впервые.

Примечания

¹⁾ См. К. Скальковский. По морю житейскому. «Новое Время» 1905 г., № 10538; ср. А. А. Фет. Мои воспоминания, т. II, стр. 165.

²⁾ См. Н. Л. Бродский. «Письмо Достоевского к неизвестной». — «Недра» 1924 г., кн.2.

³⁾ В своих воспоминаниях дочь Достоевского пишет следующее о переезде своих родителей в Баден: «В июне, когда в Дрездене стало жарко, мои родители уехали в Баден-Баден. Эту мысль нельзя назвать счастливой, ибо лишь только мой отец увидал рулетку, как он снова был охвачен страстью к игре, как болезнью. Он играл, проигрывал и переживал моменты высшего счастья и глубочайшего отчаяния»; см. «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской». Под редакцией и с предисловием А. Г. Горнфельда. Гиз. М.—Л., 1922 г., стр. 62.

4) Все время путешествия с Ф. М. за границей в 1867 г. Анна Григорьевна вела подробнейший каждодневный дневник, который она писала стенографически. В 1897 г. она сама перевела его и в 1922 году он был найден сотрудниками Центрархива в Грузии; см.: «Дневник А. Г. Достоевской. 1867 г.» Изд «Новая Москва» 1923 г., стр. 185.

⁵⁾ Отметим, кстати, что Достоевскому как-то фатально не везло с возвращением денег, взятых в займы в 1865 году у Тургенева (см. выше комментарии к письму № 23). И в этом -1867—году ему не удалось вернуть долга, в 1874 г. Ф. М. также собирался расплатиться («осенью надо первым долгом отдать ему [Тургеневу] 50 р.", писал Ф. М. 6 июня 1874 г. жене) и лишь в марте 1876 года Тургенев получил этот долг.

6) Знак вопроса принадлежит Анне Григорьевне.

⁷⁾ В своих Воспоминаниях, которые писались на много позже— в 1911 —1916 г.г.,— Анна Григорьевна пишет следующее об этой встрече двух писателей: «Был Федор Михайлович и у проживавшего в то время в Баден-Бадене И. С. Тургенева. Вернулся от него мой муж очень раздраженный и подробно рассказывал свою беседу с ним»; см.

«Воспоминания А. Г. Достоевской». Под ред. Л. П. Гроссмана. Гиз. М.—Л. 1925 г., стр. 112.

8) Несомненно, существовали кое какие факты, способствовавшие написанию Достоевским такого откровенного письма Майкову. О них, конечно, знала Анна Григорьевна и записала в свой дневник. Но, к сожалению, из общего количества шести стенографических тетрадей, заполненных ею за границей в 1867-68 г.г., до наших дней дошли только две — расшифрованные самой Анной Григорьевной и охватывающие период времени с 14 апреля по 12 августа 1867 года. До сих пор местонахождение остальных тетрадей не обнаружено и в печати они неизвестны.

9) Письмо А. Н. Майкова, упоминаемое Достоевским, в печати известно; см. Г. П. Прохоров. «Письма Майкова к Достоевскому за 1860 г.г.» — Второй сборник статей и материалов по Достоевскому. Изд. «Мысль», 1924г., стр. 338—339.

¹⁰⁾ Владелец типографского дела в Петербурге.

¹¹⁾ Жена А. Н. Майкова.

¹²⁾ Поляк, совершивший 25 мая (ст. ст.) 1867 года покушение на Александра II в Париже.

13) П. А. Исаев — пасынок Достоевского, сын первой его жены от [ее] первого брака, доставлявший Ф. М. много огорчений своим легкомысленным и вздорным характером.

¹⁴⁾ Вдова любимого брата его—Михаила Михайловича. Достоевский много сделал для благосостояния ее семьи; см. письма Ф. М. к Эмилии Федоровне за этот период в работе В. С. Нечаевой. «Неизданные письма Ф. М. и М. М. Достоевских». — «Искусство». Журнал ГАХН. 1927 г. вып. I. Ср. письмо в Литературный Фонд Н. А. Некрасова, обследовавшего семью Э. Ф. в 1865 году, в статье В. Е. Евгеньева-Максимова. «Некрасов и «братья-писатели».—Некрасовский Сборник под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова. П. 1918 г., стр. 77—79

15) Редактор «Русского Вестника», которому Ф. М. продал «Идиота»; в следующем 1868 году роман печатался на страницах этого журнала. — Интересно отметить, что в вышеупомянутом письме к Сусловой от 23 апреля, в словах Достоевского, где он говорит о своем уговоре с реакционером—Катковым, чувствуется самооправдание; и действительно, как правильно отмечает А. С. Долинин, печатание романа в «Русском Вестнике» должно было звучать для Сусловой изменой Ф. М. прежним политическим идеалам.

¹⁶⁾ «Если не знаете Бадена, — писал И. А. Гончаров 25 июня (7 июля) того же года своему приятелю А. Г. Тройницкому,— то позвольте посоветовать Вам отдохнуть здесь...

Здесь все зелено: речка увешана фестонами зелени,— дома, улицы убраны ею, даже столы—и те зеленые. К сожалению, последние не успокаивают нерв. Я захожу туда, просовываю иногда сквозь толпу руку с золотым, клюну на него другой золотой и ухожу — как-будто вор. Так наклевал я до 160 фр., но 60 возвратил опять. Вероятно, возвращу и остальные сто, может быть, не без придачи, хотя небольшой, ибо, к счастью, среди многих бесов, которыми я одержим, бес игры меня никогда не мучил»; см. М. Суперанский. «Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии». — «Вестник Европы» 1908 г., № 12, стр. 449—450; ср. И. А. Гончаров. «Необыкновенная история». Неизданная рукопись. Сборник Российской Публичной Библиотеки. П. 1924 г., стр. 33 и 59.

17) Здесь у Достоевского описка: с 1865 года он должен был Тургеневу 50 талеров; см. выше наши комментарии к письму № 23.

¹⁸⁾ Близкой разновидностью этого «убеждения» Тургенева, по мнению исследователя, Достоевский мог считать идею вышедшего в 1868 году в Вюрцбурге романа Пауля Гримма «Тайны царского двора времен Николая I». В этом романе Достоевский выведен членом какого-то мифического тайного общества, куда он примкнул после возвращения из Сибири; см. письмо — опровержение писателя в статье Н. Ф. Бельчикова. «Ф. М. Достоевский — «член тайного общества». — «Красный Архив» 1927 г., т. 21, стр. 241—244.

19) Ср. отзыв Тургенева о России в письме от 1865 г. к гр. Е. Е. Ламберт: «Россия мне стала чужда, и я не знаю, что сказать о ней».

20) Интересно сравнить эти отсталые славянофильские мысли Достоевского с подобными же идеями его единомышленника— Аполлона Григорьева, высказанные последним в одном письме (до сих пор в печати неизвестном) к тому же А. Н. Майкову: «Любезные друзья! «Антихрист народился» в виде материального прогресса, религии, плоти и практичности, веры в человечество как в деньгу— поймите это Вы все, ознаменованные печатью Христовой, печатью веры в душу, в безграничность жизни, в красоту, в типы— поймите что даже (о ужас!!!) к церкви мы ближе, чем к социальной утопии Чернышевского, в которой нам остается только повеситься на одной из тех груш, возделыванием которых стадами займется улучшенное человечество. Поймите, что испокон века были два знамени. На одном написано: «Личность, стремление, свобода, искусство, бесконечность». На другом: «Человечество (человечина, по остроумному переводу юродствующего Аскоченского), материальное благосостояние, однообразие, централизация...» (цитируем по автографу, находящемуся в архиве А. Н. Майкова — ныне в Пушкинском Доме Академии Наук СССР; целиком это неизданное письмо будет опубликовано в нашей статье „Ап. Григорьев и возрождение „Москвитянина“).

21) В предисловии к немецкому переводу «Отцов и Детей» Тургенев писал в 1860, году: «Я слишком многим обязан Германии, чтобы не любить и не чтить ее, как мою вторую родину»; ср. «Русские Пропилеи». Том III. И. С. Тургенев. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и приготовил к печати М. О. Гершензон. Изд. Сабашниковых, М. 1916 г., стр. 188 и 325.

22) В одном отрывке своих воспоминаний о Достоевском, в окончательный текст ее мемуаров не вошедший, Анна Григорьевна пишет: «Вечная бедность Федора Михайловича, всегдашний недостаток средств был истинным несчастьем нашей жизни. Она была бедой и в экономическом отношении: в то время когда всегда обеспеченный Тургенев знал, что его произведения будут на перерыв оспаривать журналы и он получит по 500 руб. за лист, в то же время необеспеченный Федор Михайлович должен был сам предлагать свой труд журналам, а так как предлагающий всегда теряет, то он получал значительно меньше. Так он получил за романы «Преступление и Наказание», «Идиот» и «Бесы» по 150 р. за лист; за роман «Подросток» по 250 р. и только за последний свой роман «Братья Карамазовы» получил по 300 рублей. А сколько было мучений для Федора Михайловича в мысли, что «Русский Вестник» (в котором обычно печатались его романы) может не взять романа по каким-либо соображениям, например, запасшись романом другого писателя. И вот тогда Федор Михайлович терзался мыслью, что же предпринять и как пережить время, пока роман не будет напечатан и не получатся деньги»; см. «Письма Ф. М. Достоевского к жене». Предисловие и примечания Н. Ф. Бельчикова. Гиз. 1926 г., стр. 354; ср. Л. К. Ильинский. «Гонорары Достоевского». — «Библиографические Листы» 1922 г., № 3, стр. 4—9.

23) См. Г. П. Прохоров. «Письма Майкова к Достоевскому за 1860 гг.»—Второй сборник статей и материалов по Достоевскому. Изд. «Мысль» 1924 г. стр.340—341.

24) Ю. А. Никольский, автор известной работы «Тургенев и Достоевский. История одной вражды», считал не без оснований этим анонимом самого Майкова. Это мнение извлекаем из рукописей этой работы покойного Ю. А. Никольского, любезно предоставленных нам В. Р. Лейкиной.

25) Несмотря на наши усиленные поиски в 1927 году в Московском Историческом Музее, куда целиком поступило Чертковское рукописное собрание, нам не удалось найти этого сопроводительного письма.

26) Несомненно, в письмах Анненкова к Тургеневу за 1867 год можно было бы найти интересные данные об этой истории. Но, к сожалению, в Пушкинском Доме, где хранится большая часть писем Анненкова к Тургеневу, за этот год ни одного письма нет.

27) См. Л. Н. Майков. «Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову»,—«Русское

Обозрение» 1894 г., № г, стр. г8.

28) Впервые письмо это напечатано в статье П. Б [а р т е н е в а]- «Тургенев и Достоевский»— «Русский Архив» 1902 г., № 9, стр. 148 —149

29) См. «Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову».— «Печать «. Революция» 1922 г, № 2; всего в Централхиве 117 писем Тургенева.

30) «Первое собрание писем И.С.Тургенева». Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. П. 1884 г. стр. 194.

31) П. Бар т е н е в . Архивная справка. — «Русский Архив» 1884 г., № 3, стр. 218; заметка эта была сперва напечатана в «Московских Ведомостях» в 1883 г. и перепечатана в петербургском „Новом Времени" 1883 г., № 2770.

³²⁾ Ср. А. Г. Достоевская. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М, Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческом Музее. П. 1906 г., стр. 313.

В кн.: Переписка / Ф.М. Достоевский и И.С. Тургенев ; ред. И.С. Зильберштейн ; предисл. Н.Ф. Бельчиков . - Л. : Academia, 1928 . - 200 с., [2] л.портр. (Памятники литературного быта : Письма), с.143-187

Сохранена орфография оригинала.